

<https://litruussia.su/2024/04/15/mechtali-mir-strokoj-perevernut/>

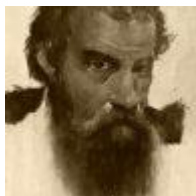
Газета писателей России

Официальный сайт еженедельника "Литературная Россия"

ПАТРИОТИКА

Мечтали мир строкой перевернуть

Автор: [adm15.04.2024](#)

Иосиф Куралов – поэт (его первая книга стихотворений «Пласт» вышла в 1985 году с предисловием Юрия Поликарповича Кузнецова), публицист, руководитель литературной студии «Свой голос», главный редактор литературно-художественного альманаха «Иная среда», лауреат премий имени Святителя Павла Тобольского, поэта Василия Фёдорова, поэта Виктора Баянова и других, автор многих литературных проектов, осуществлённых в Кузбассе. Член Союза писателей СССР, член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Поколение

Была мечта. Осталось сожаленье
О том, что все распалось поколенья.

Мечтали мир строкой перевернуть.
Пришлось улечься мирно и заснуть.

По разным адресам, по всем сугробам,
По всем благоустроенным берлогам.

Мы спим надежно, то есть безнадежно.
Нас пробудить от спячки невозможно!

Хотя будильник есть. И он звенит!
Но мы во тьме проспали свой зенит.

Гори и догорай, моя лучина!
Прости меня, бескрайняя Отчизна!

За то, что я надежный твой медведь
И на судьбу свою могу реветь.

Рыбка

В сети многие попадалась,
Только плавала налегке,
Сквозь любую сеть прорывалась,
Тихо плакала вдалеке.

И попалась не в сеть, а в руки!
Руку в реку я окунул —
Приплыла в бессловесной муке,
Не похожая на акул.

Так прижалась она к ладони,
Что зажегся в воде плавник!
Рассыпайтесь, горячи кони!
Я губами к реке приник!

От реки отрываю рыбку —
Рядом с сердцем она горит.
И, выдавливая улыбку, —
Задыхаюсь я! — говорит.

Отрываю от сердца рыбку —
Под водою моя рука —
И выдавливаю улыбку...
Покрывается льдом река.

Я на небе прочёл

Я на небе прочел, в просыхающей мгле,
Что в далеком году проживал на земле.

Раньше солнца вставал, мне седлали коня,
И четыре огня провожали меня.

Я в четыре пространства один уходил,
Конь скакал и копытами по свету бил.

И ложилась в траву за верстою верста.

А теперь я живу – только пар ото рта.

Пьедестал

Я возносил тебя на пьедестал.
Чтоб ты на нем стояла и блистала.
И наконец вознес. Но так устал,
Что умер у подножья пьедестала.

Твой свет погас. Я в тот же миг воскрес
И свет увидел в солнечной короне.
И полностью утратил интерес
К твоей, меня измучившей, персоне.

Я всю тебя испил. И мед, и яд.
Стал горек мед. А яд – не убивает.
На пьедестале – тьма. А говорят,
Что свято место пусто не бывает...

Девчонка из балета

Мне нравится девчонка из балета!
Поскольку я чуть-чуть навеселе,
Она, летящим воздухом одета,
Танцует среди рюмок на столе!

Ловлю ладонью стан горячий, хрупкий
И дым волос, летящий в высоту!
Окончит танец, выпрыгнет из рюмки,
И я ее поймаю на лету!

Крокодил и девочка

Девочка эта в мой дом приходила
И говорила, что я - крокодил.
Разинул я страшную пасть крокодила
И девочку милую всю проглотил.

Внутри у меня она так запищала,
Что стенки желудка покрылись огнем:
- Милый, хороший! Начнем все сначала!
Что ж, я подумал, начнем, так начнем.

И снова в мой дом она долго ходила,
И снова твердила, что я - крокодил.
И снова разинул я пасть крокодила.
И снова противную всю проглотил.

И снова внутри она так запищала.
Что стенки желудка покрылись огнем:
- Милый, хороший! Начнем все сначала!

Я снова подумал: начнем, так начнем.

И снова в мой дом она долго ходила.
И снова твердила, что я - крокодил.
Но не разинул я пасть крокодила.
И девочку эту я не проглотил!

Тихо снаружи она попищала.
И слабый ее голосочек затих.
Я не хочу начинать с ней сначала.
Не перевариваю я таких.

Между нашим паханатом и хазарским каганатом

Между нашим паханатом
И хазарским каганатом,
В состоянии поддатом,
Вижу я живую связь.

Но едва наступит трезвость —
Отступает зренья резкость —
Всюду вижу только мерзость.
Исчезает связь, смеясь.

Я, без связи, небезвредный,
Бледный и идейно бедный,
Накаляю лобик медный.
В нем все мысли об одном:

Чтобы справиться с изъясном,
Надо быть все время пьяным,
Или стать хазаркаганом,
Или нашим паханом.

Голая ведьма над храмом летала

Голая ведьма над храмом летала.
Толпа хохотала.

Старуху от голода ветром шатало.
Толпа хохотала.

На виселице человека мотало.
Толпа хохотала.

Пришла самоходная куча металла,
Толпу расстреляла и в землю втоптала.
Тихо стало.

В тиши отдыхают колеса и дула.
Знай свой конец, многоротая дура.

Воспоминание об Афганистане

В пространстве чувствовалась сила.
Кипела кровь. Я пел в бою.
И пуля тонкая пронзила —
И снимок твой, и грудь мою.

На Родине, без похоронки,
Ты прочитала в небесах,
Что я лежу на дне воронки,
А ты стоишь в моих глазах.

Нимб над тобой зажегся ало.
И в смерти, как в любви верна,
Ты вспыхивала, как струна,
И с тихим звоном угасала.

Ушла в невестинном наряде,
С улыбкой детской на губах,
Чтоб нам лежать в одной ограде,
В простом и в цинковом гробах.

Чужой земле оставив тело,
Над всесоюзной синевой,
Моя душа к тебе летела,
Чтоб нам вдвоем шуметь листвою

И плакать в дождь...
Но знает дело
Наш храбрый доктор полковой...
Домой вернулся я живой.

То позади. Что впереди —
Я у цыганок не гадаю.
Живу с зиянием в груди.
Давно в подушку не рыдаю.

Лишь безымянное кольцо
Болит. Смотрю в девичьи лица.
Сквозь черно-белое лицо
Пространство-время в грудь струится.

Не забываю юность нашу.
Встаю. Тружусь. И спать ложусь.
Ношу цветы. Ограду крашу.
Тебе в подметки не гожусь.

А где душа моя летает,
Один Господь об этом знает.

Прощание с СССР

Когда стоит эпоха-дура,
Народ молчит и пьет дотла.
Моя страна — карикатура
На ту, которая была.

На ту, которая стояла -
И будет в памяти стоять.
На ту, которая сияла -
И будет в памяти сиять.

Народ, не потеряй лицо
В борьбе за рублик и за бублик.
Прощай,
Союз Советских Социалистических республик!

Я не сумел с народом спиться.
Антинародный я поэт.
Теперь мне вечно будет сниться
Страна, которой больше нет.

1993

Святая Русь

Кто не ослеп под властью Сатаны,
Тот видит все как есть на белом свете.
Нет той страны, в которой рождены
Ты сам, твои родители и дети.

А есть какой-то голый стыд и срам,
Многоканальная теледубина.
Базарный хам заполнил Божий храм,
А Родину заполнила чужбина.

И крик, что я в груди своей держал,
Наружу рвется, сердце обнажая:
Я из родной страны не уезжал,
Так почему вокруг страна чужая?!

Лишь в сердце для чужбины места нет.
В сердцах людей живет-горит, не тая,
Один на всех неистребимый свет.
Он — Родина моя, он — Русь Святая.

1995

В гробу видал

Не понимаю ни хрена!..
Куда летит моя страна?

Или, точнее сказать, ползет.

Европу на горбу везет.

А у Европы на горбу
лежит Америка, в гробу.

А гроб похож на Белый Дом
и на Гоморру и Содом.

А воз везет моя страна.
Не понимаю ни хрена...

И все ж благодарю судьбу:
Видал Америку в гробу.

1997

Импортянка

Поколение, выбравшее «Пепси»,
с носом в непросохшем молоке,
распевает импортные песни
на американском языке.

По планете янки прут, как танки.
Где они прошли, там – тьма, ни зги.
Тонны беспросветной импортянки
намотали встречным на мозги.

Встречные становятся смелее.
Вот один: идею воплотив,
целый день гуляет по аллее,
весь наряд его – презерватив.

Потому что, глядя в телевизор,
слушая его открытый текст,
сделал самый главный в жизни выбор –
выбрал самый безопасный секс.

Поколеньце не в папу-маму,
чтоб за Родину переживать.
Поколеньце в телерекламу,
чтобы жвачку всю пережевать.

И клевать на каждую приманку.
Каждым ядом душу отравить.
Жить и нюхать. Нюхать импортянку.
Импортянку нюхать. Кайф ловить.

Делай вывод, парень, поневоле,
если ты на воле хочешь жить:
повстречаешь волка в чистом поле –
станет ли с тобою волк дружить?

Знай его: на нем овечья шкура.
В чемодане – человечесий фрак.
А на морде – маска. Маскультура.
А в глазах его – всемирный мрак.

Он тебя в такую глушь заманит,
что, представишь – оторопь берет.
Чуть засомневаешься – обманет.
Засопротивляешься – сожрет.

Суть его звериная и злая
обнажится, застилая свет,
в мир из пасти волчьей посылая
сотни самолетов и ракет.

Если у тебя в руках двустволка –
не успеешь пулю в лоб всадить.
Ну и что теперь: бояться волка?
Их бояться – в космос не ходить.

Только надо быть не обнаженным,
заключая мирный договор,
а, желательно, вооруженным,
лучше, чем зубастый твой партнер.

Он ведь силу уважает шибко.
Будешь ты сильнее его, тогда
вся его зубастая улыбка
потускнеет раз и навсегда.

А на волчьи мелкие подлянки
скажешь ты спокойно, мирно, так:
ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТОЙ ИМПОРТЯНКЕ
НЕ СРАЗИТЬ НАШ ЕВРАЗИЙСКИЙ СТЯГ.

1997

Ответ

Я сам поэт и русский патриот.
Не ржавый и надежный винт державы.
Негоже мне отказываться от
Самойлова и Окуджавы.

Да, я однообразен и убог
В пристрастиях. Иным быть не пытался.
А Межиров в Америку убог.
Но он в душе моей остался.

Перед фронтовиками я в долгу.
Воспитан так. И фразочкой крылатой
Я их вину измерить не могу.
Живу во всем сам виноватый.

Рубцов, Куняев, Юрий Кузнецов
Мне ближе вышеназванных. И все же
Отцы пусть предадут. А нам негоже.
Негоже предавать отцов.

2003